НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И ИНФРАСТРУКТУРЫ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ОТДАЛЕННЫХ РАЙОНОВ СИБИРИ

Красноштанова Н.Е.¹, Куклина М.В.², Труфанов А.И.²

¹*Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск, Россия*

²*Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия
khesun@mail.ru*

INFORMAL PRACTICES AND INFRASTRUCTURES IN THE SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF REMOTE AREAS OF SIBERIA

Krasnoshtanova N.E.¹, Kuklina M.V.², Trufanov A.I.²

¹*V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk, Russia*

²*Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia*

В статье представлен анализ и систематизация результатов полевых социально-географических исследований в ряде отдаленных районов Иркутской области, Республики Бурятия и Республики Тыва. Установлено, что неформальные практики, связи, транспортные инфраструктуры играют важную роль в жизнеобеспечении населения этих территорий, но остаются вне формальных институтов территориального управления. Подчеркивается, что при планировании социально-экономического развития исследуемых районов необходимо принимать во внимание эту специфику периферийных территорий.

Ключевые слова: неформальные практики и связи, неформальные дороги, неформальный транспорт, социально-экономическое развитие, периферия, Сибирь.

The paper presents an analysis and systematization of the results of field socio-geographical research in a number of remote areas of the Irkutsk region, the Republic of Buryatia, and the Republic of Tyva. It has been established that informal practices, communications, transport infrastructures play an important role in the life support of the population of these territories, but at the same time, these issues are outside the formal institutions of territorial management. It is emphasized the necessity to take into account this specificity of the peripheral territories when the socio-economic development is planning.

Keywords: informal practices and communications, informal roads, informal transport, socio-economic development, periphery, Siberia.

Согласно общему определению «неформальный» значит не являющийся формальным, не определяемый формальным статусом, неофициальный. В научной литературе преимущественно распространены такие понятия как неформальная экономика, неформальные отношения, неформальные институты, неформальная занятость, также встречается множество других определений, включающих понятие неформальности. Каждое из них носит социальный контекст, так как в основе всех этих процессов лежат межличностные коммуникации и социальное поведение вне формально установленных институтов общества [7; 9]. Таким образом, они оказываются вне поля государственного регулирования. Часто понятие неформальности подразумевает негативный контекст. Так, например, неформальная экономика, связывается с теневой или скрытой экономикой, что сказывается на реальных показателях экономического благополучия территории [2]. Или, например, неформальные институты в политической сфере, порождающие коррупционные процессы [3]. Вместе с тем, в ряде исследований понятие неформальности соотносится с позитивным эффектом, например, повышением устойчивости общества и его способности к адаптациям в трансформирующейся социально-экономической среде [4; 12].

Исследования в разных географических регионах выявляют множество форм проявления неформальности в разных сферах жизнедеятельности общества. При этом понятие неформальности какой-либо деятельности – это не статичная характеристика. Изменения институциональной среды и развитие технологий могут сокращать или наоборот способствовать росту неформальных практик. С пози-

ций теории систем, неформальная деятельность рассматривается как компонент самоорганизации общества, которая направлена на «устранение диспропорций, смену организационных форм, введение новых элементов в организации или устранение старых» [11].

В настоящее время в России неформальность хозяйственной деятельности особенно присуща коренным народам, занимающимися традиционными занятиями. Заготовка ягод, грибов, рыбы для самообеспечения продовольствием относится к неформальным формам занятости [8]. Эти обстоятельства осложняют положение местных сообществ в отстаивании прав на земли традиционного природопользования и сохранения исконной среды жизнедеятельности при промышленной экспансии. В таких условиях «возрастает роль региональных инициатив и самоорганизации коренных народов» [10]. Неформальность традиционной хозяйственной деятельности и обусловленные этим проблемы поднимаются в научных исследованиях разного уровня, предлагаются механизмы формализации. При этом значительно меньше внимания уделяется исследованию роли неформальности современных практик организации повседневной жизнедеятельности населения периферийных районов. Например, в практике мобильности, обеспечении продовольственными и непродовольственными товарами, в развитии малых форм бизнеса и др. В тоже время отмечается, что высокая зависимость периферийных районов от внешних факторов делает их неустойчивыми и уязвимыми в социально-экономическом развитии [5].

Во время изучения социально-экономической среды периферийных районов Восточной Сибири методами социальных исследований: интервьюирования, бесед, включенного наблюдения. Выявлена высокая значимость различных по природе неформальных практик и инфраструктур в обеспечении и поддержании жизнедеятельности местного населения. На данном этапе исследований необходима систематизация и обобщение полученных данных, сопоставимость с результатами исследований других авторов и оценка значимости неформальных связей для моделирования социально-экономических процессов исследуемых территорий.

Полевые исследования проводились в отдаленных поселениях Республики Бурятия (Окинский район), Иркутской области (Катангский и Казачинско-Ленский районы), Республика Тыва (Эрзинский район). Исследуемые районы представляют собой типичные периферийные территории с низкой плотностью населения, развитостью традиционных форм хозяйственной деятельности и географической удаленностью от региональных центров. В ряде районов активно развивается промышленная деятельность, связанная с добычей золота, редких металлов и полудрагоценных камней (Окинский), а также углеводородов и лесозаготовками (Катангский и Казачинско-Ленский).

Систематизацию неформальных практик, присутствующих на исследуемых территориях, логичнее начать с социальных связей и их роли в функционировании местных сообществ, так как было отмечено, что именно социальный контекст определяет их существование. Социальные связи и отношения могут быть подразделены на *внутренние* (внутри поселения) и *внешние* (с жителями других населенных пунктов). В свою очередь, в обоих случаях они могут быть как родственными, так и дружественными. В ходе исследований установлено, что эти формы связи играют важную роль в формировании неформальных практик и использовании неформальных транспортных инфраструктур местным населением. Однако значимость их варьирует в зависимости от ряда факторов: культурных, экономических, социальных и инфраструктурных.

Мобильность населения. Тема транспортной обеспеченности и связности населения отдаленных поселений с районными или региональными центрами всегда очень остро стоит для периферийных территорий. С одной стороны, отсутствие, сезонность или наличие дорог низкого качества требует высоких финансовых затрат государства для обеспечения транспортного сообщения с такими поселениями. С другой, относительно небольшое количество населения и невозможность покрытия расходов транспортных средств за счет пассажиро- или грузоперевозок делает нерентабельным и, как правило, дотационным транспортное обеспечение отдаленных поселений. В связи с этим, общественный транспорт таких территорий характеризуется редким расписанием, высокой зависимостью от погодных условий и ряда других внешних факторов. Появление личных автомобилей для территорий с наличием сезонных и постоянных дорог, но отдаленных от районных и региональных центров приводит к снижению потока пассажиров и сокращению рейсов общественного транспорта. Например, по этим причинам были отменены общественные автобусы, курсирующие между поселком Эрзин и

Кызылом в Республике Тыва. Но, так как личный автомобильный транспорт есть не у каждой семьи, спрос на транспорт между поселениями остается. Этот спрос обеспечивается частным маршрутным такси и попутными машинами.

Вообще, в Республике Тыва практика поиска попутчиков распространена достаточно хорошо. Поиск «попутчиков» и «попуток» осуществляется через социальные сети и в специальных группах в мессенджерах. Преимущественно заполнение мест в частном маршрутном такси также осуществляется через социальные контакты. Подобная ситуация наблюдается в Окинском районе Республики Бурятия. Хотя в районе существует официальный регулярно курсирующий маршрутный автобус, соединяющий районный центр с г. Улан-Удэ, востребованность попутного транспорта также высока. Для кого-то удобнее воспользоваться попутным транспортом и более комфортабельно добраться до регионального центра, в отдельных случаях сэкономив бюджет. Для других жителей актуальнее является поездка в Иркутск, который географически расположен значительно ближе, чем Улан-Удэ. Поиск альтернативных путей поездки в город или обратно также осуществляется с помощью групп в мессенджерах и в тематических группах в социальных сетях.

Для территорий вне зоны действия мобильных сетей, как правило, это значительно более труднодоступные территории с сезонными дорогами или в целом отсутствием общественных путей сообщения, обеспечение внешней мобильности также значительно зависит от межличностных коммуникаций. Поиск «попуток» осуществляется «на месте», когда кто-то приезжает в село на автомобиле (например, Токма (Катангский район) или Вершина Ханды (Казачинско-Ленский район)). Также у местных жителей есть возможность найти транспортное средство для поездки посредством звонка со спутникового телефона знакомым или родственникам, проживающим в городе. В последние годы для жителей этих сел значительно возросла роль неформальных дорог [13] в обеспечении внешней мобильности. Движение по неформальным дорогам возможно благодаря множественным неформальным связям и отношениям.

Обеспечение продуктами и непродовольственными товарами. С темой транспорта и транспортной инфраструктуры тесно связан вопрос обеспечения населения продовольственными и непродовольственными товарами, медикаментами. Здесь мы уделяем внимание не организованным поставкам через официальные компании, а вопросам самообеспечения. Актуальность перевозки посылок из города в село и в обратном направлении отмечена также во всех исследуемых поселениях. С одной стороны, это обусловлено дороговизной и ограниченностью выбора товара в местных магазинах (при их наличии), с другой, тесными родственными и дружественными связями, например, желанием родителей поддержать детей, обучающихся в городе, домашними продуктами, что характерно и для коренных сообществ и других территорий [14]. Поиск попутчиков для передачи посылок также активно ведется, как в социальных сетях, мессенджерах местных групп, так и через межличностные коммуникации.

Малый бизнес. «Есть спрос – будет и предложение». Коммерциализация подобных схем, обеспечивающих мобильность местных жителей и перевозку посылок, не всегда работает для «своих». Как правило, внутренние социальные связи и отношения выстраиваются на взаимодововерии и взаимовыручке без финансовых выгод. Однако, при наличии спроса на услуги и товары «извне», появляется возможность получения доходов. Например, в развитии туризма с ростом спроса на транспортные услуги и жилье. Примеры существующих туристических сетей на исследуемых территориях демонстрируют высокую значимость социального контекста развития этой сферы деятельности [6]. Нестабильность рынка спроса на эти услуги в исследуемых периферийных районах, в виду отсутствия долговременной практики и формальной институциональной поддержки этой сферы деятельности, ограничивает коммерциализацию и развитие зарегистрированных компаний, предоставляющих услуги в этой сфере. При этом, функционирование даже официально оформленных ИП, возможно благодаря неформальным связям и отношениям. Так, например, заполнение мест в гостевых домах происходит преимущественно через «сарафанное радио». В открытых местных группах в социальных сетях туристы самостоятельно находят способы доставки до места, которое бы они хотели посетить в районе, а также варианты размещения в селах.

Традиционные виды деятельности и неформальная занятость. Так как традиционная деятельность местных жителей часто остается за рамками формальной занятости, многие жители этих отде-

ленных районов считаются безработными, хотя фактически бывают вовлечены в трудовую деятельность активнее официально работающих односельчан. Реализация продуктов натурального хозяйства от занятий скотоводством и огородничеством, а также грибов, ягод, дикого мяса и рыбы позволяют получить доход для поддержания домашнего хозяйства. Эти процессы также выходят за рамки формальных институтов, но фактически они позволяют выживать семьям, живущим натуральным хозяйством в таких отдаленных районах. Кроме того, возможность получения дополнительного заработка вне формальных институтов занятости часто бывает связана с особенностями социально-экономического развития территории. Например, для исследуемых территорий примерами могут служить: неформальная занятость в горнорудной деятельности [1]; подработки в геологоразведочных партиях или у нефтяников, на лесозаготовках; предоставление транспортных услуг; пересылка товаров через границу и др.

Таким образом, неформальные практики и отношения, использование неформальных транспортных инфраструктур являются важной составляющей жизнедеятельности населения периферийных районов. Это обстоятельство позволяет демонстрировать способности самоорганизации локальных сообществ, адаптирующихся в условиях меняющейся социально-экономической среды. Если в районах с более плотным населением и диверсифицированной экономикой от неформальных практик и отношений, как правило, государство «проигрывает» из-за потерь в налоговых поступлениях или из-за снижения экономической эффективности зарегистрированных предприятий, то в случае периферийных районов, оно, чаще всего, выигрывает или, по крайней мере, ничего не теряет. Хотя, в ряде случаев, развитие соответствующих формальных институтов способствовало бы получению дополнительных доходов в бюджеты разных уровней.

Выявленные неформальные практики и отношения способствуют поддержанию уровня жизни населения периферийных районов. Вовлеченность в процессы неформальных отношений расширяет возможности мобильности, продуктового и товарного обеспечения, получения дополнительных доходов, способствует осознанию общественной значимости каждого отдельного члена отдаленных локальных сообществ и их социальных контактов. Важно принимать во внимание, что эти процессы не статичны. Развитие техники, появление сотовой связи и распространение сети Интернет значительно поменяло форму локальных межличностных взаимоотношений. При моделировании процессов и планировании социально-экономического развития важно учитывать эти особенности периферийных территорий.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНМС в рамках научного проекта № 20-57-44002 «Междисциплинарная сетевая платформа моделирования социально-экономических и экологических процессов на трансграничных территориях РФ и Монголии с ограниченной транспортной доступностью» и научного проекта NSF №1748092 «Неформальные дороги: влияние неофициальных транспортных путей на удаленные северные и арктические сообщества».

Список литературы

1. Бадараев Д. Д., Будаев Б. С., Ойдов Х. Неформальная занятость в горнорудной отрасли Монголии и Республики Бурятия // Теория и практика общественного развития. 2021. № 2. С. 19-25.
2. Барсукова С. Ю., Радаев В. В. Неформальная экономика в России: краткий обзор // Экономическая социология. 2012. № 2. С. 99-110.
3. Березуцкий А. А. Неформальные аспекты институционализации российской политической элиты // Управленческое консультирование. 2017. № 5. С. 171-177.
4. Диманс С. Л., Левичева В. Ф. Люди и нормы: институты vs неформальные практики. М.: Ключ-С, 2018. 302 с.
5. Дугарова Г. Б. Социально-экономическое развитие периферийной территории: географический аспект // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 2. С. 53-64.
6. Куклина В. В. Туристы и отдыхающие на минеральных источниках Жойган / Чойган: социальные связи, узлы, сети и границы // Культурная и гуманитарная география. 2012. № 2. С. 180-190.
7. Перинская Н. А. Неформальные практики в условиях социокультурных изменений // Социология и жизнь. 2019. № 4. С. 127-133.
8. Пилясов А. Н. И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знания. М.: Либроком, 2009. 544 с.

9. Портес А. Неформальная экономика и ее парадоксы. URL: [47http://ecsocman.hse.ru/data/166/131/1231/Portes_rus4_red.pdf](http://ecsocman.hse.ru/data/166/131/1231/Portes_rus4_red.pdf) (дата обращения: 11.05.2021).
10. Рагулина М. В. Традиционное природопользование коренных малочисленных народов Сибири: тенденции и парадоксы развития // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Науки о Земле». 2014. Т. 7. С. 116-128.
11. Север и Арктика в пространственном развитии России: научно-аналитический доклад / Научный совет РАН по вопросам регионального развития; СОПС при Министерстве экономического развития РФ и Президиуме РАН; ИЭП Кольского НЦ РАН; ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН. Москва-Апатиты-Сыктывкар: Изд-во КНЦ РАН, 2010. 213 с.
12. Седова Н. Н. Неформальная экономика в теории и российской практике // Общественные науки и современность. 2002. № 3. С. 49-58.
13. Kuklina V., Petrov A., Krasnoshtanova N., Bogdanov V. Mobilizing Benefit-Sharing Through Transportation Infrastructure: Informal Roads, Extractive Industries and Benefit-Sharing in the Irkutsk Oil and Gas Region, Russia // Resources. 2020, 9, 21. doi:10.3390/resources9030021
14. Solovyeva V., Kuklina V. Resilience in a changing world: Indigenous sharing networks in the Republic of Sakha (Yakutia) // Polar Record, Vol. 56, 2020, e39. doi: <https://doi.org/10.1017/S0032247420000406>